

Гуань Юй помолчал с мгновение, его взгляд скользнул по Гуань Пиню, и в конце концов он кивнул:

— Ладно, даю тебе десять дней. Если через десять дней не возьмем Цзянлин, прорвемся к Шаньюну.

— И-эр, всего десять дней и сотня с небольшим человек — как ты вообще собираешься взять город Цзянлин?

После военного совета Гуань Пинь резко схватил Гуань И за рукав, больше не в силах сдерживать нахлынувшую тревогу.

Он боялся, что вчерашняя победа вскружила Гуань И голову. Прошлой ночью удалось совершить налет на лагерь исключительно из-за беспечности и легкомыслия войск Восточного У. Но с Цзянлинем все иначе: стоит только закрыть городские ворота, и этой горсткой людей не удастся выбить даже кирпича из крепостной стены.

Гуань И прямо посмотрел на Гуань Пиня, с абсолютной уверенностью на лице:

— Отец, поверь мне. Десять дней — и я непременно захвачу Цзянлин.

Взять Цзянлин за десять дней — кто бы ни услышал, сочтет это бреднями безумца. Даже если бы сам Гуань Юй повел в бой эту сотню с лишним человек, это было бы абсолютно невозможно.

Но у Гуань И была опора. И опора эта заключалась в тех сундуках с сокровищами, что они перехватили прошлой ночью.

Тогда Гуань И во главе отряда столкнулся с военачальником Восточного У. Тот, улепетывая ради спасения собственной жизни, ни за что не хотел бросать сундуки и заставлял подчиненных тащить их на бегу. После яростной атаки Гуань И все сундуки оказались в его руках.

Ровно шесть сундуков. Стоило открыть их, как глаза заболели от сияния нагроможденных золота и серебра, среди которых было немало первоклассных нефритовых изделий.

Обстановка на поле боя тогда была слишком напряженной, и Гуань И не успел поглотить духовную энергию, заключенную в нефрите. Он лишь приказал верным воинам закопать сундуки в землю, рассчитывая вернуться и выкопать их после окончания битвы. Кто же знал, что позже они встретят Гуань Пиня и их сразу же увлекут в Майчэн, так что удобного случая выкроить не представилось.

— И-эр, точно не нужно отцу протянуть руку помощи?

У городских ворот Майчэня Гуань Пинь с мрачным выражением лица вглядывался в Гуань И. Он действительно переживал: видя, как этот мальчишка с сотней людей отправляется штурмовать Цзянлин, он едва не чувствовал, как сердце подступает к горлу.

Гуань И усмехнулся в ответ:

— Отец, не беспокойся, через десять дней увидимся в Цзянлине.

С этими словами он вместе с личной стражей и оставшимися мечниками и щитониками покинул Майчэн и во весь опор устремился к роще, где были закопаны сундуки.

С башни ворот Майчэня Гуань Юй провожал взглядом удаляющийся отряд Гуань И, медленно поглаживая пальцами седую длинную бороду, и долго хранил молчание.

Чжоу Цан с Мечом Зеленого Дракона, Срубающим Луну в руках стоял рядом с ним, и оба прекрасно понимали, что вероятность того, что Гуань И захватит Цзянлин, ничтожно мала.

— Этот пацан... стал совсем другим.

Неожиданно тихо произнес Гуань Юй. Ему всё казалось, что внутренний стержень Гуань И изменился.

Чжоу Цан не ответил. Связывавшие их с Гуань Юем десятилетия господских и служедских уз давно уже сделали их родными братьями, однако в глубине души он помнил: Гуань Юй — господин, а Гуань И — молодой господин, так что ему не положено болтать лишнего.

В лесу Гуань И отыскал место, где вчера были закопаны сундуки.

Несколько верных воинов окружили его и принялись выкапывать сундуки из земли. В тот миг, когда крышки сундуков откинулись, отблески золота, серебра и нефрита резанули глаза.

Гуань И бросил беглый взгляд на сокровища, и уголки его губ чуть приподнялись.

— Гуань Хао, возьми людей и следи за всем вокруг.

Гуань Хао кивнул и взмахнул рукой. Те воины немедленно рассредоточились, заняв выгодные позиции, и в оба глаза уставились на движение за пределами рощи.

Гуань И присел на корточки и приложил ладонь к первому нефритовому изделию.

— Поглотить.

— Цзинь...

— Энергия обнаружена.

Нефрит в его ладони рассыпался в порошок, просойчись сквозь пальцы. Одно за другим: нефритовые подвески с вырезанными драконами и фениксами, украшенные золотом нефритовые кубки, белые нефритовые диски размером с ладонь — всё превратилось в осколки.

Когда на землю упала последняя горсть пыли, всплыло системное уведомление.

Общий объем энергии: 1072 единицы.

Гуань И нахмурил брови.

Всего-то чуть больше тысячи? Он-то рассчитывал, что из этих шести сундуков удастся выжать самое меньшее три-четыре тысячи единиц энергии, и тогда он сможет завербовать три-пять тысяч солдат и, пока город Цзянлин еще не закрепил свои позиции, единым махом ворваться туда и вернуть Цзинчжоу.

Но кто бы мог подумать, что в трех из шести сундуков лежат нефритовые изделия, а остальные доверху набиты серебряной утварью и медными монетами — вся эта дрянь для него была пустой железякой, из которой невозможно выжать ни капли энергии.

Тысяча единиц.

Гуань И сжал зубы, и в глубине его глаз вспыхнул свирепый огонек.

И с тысячей солдат и коней еще не все потеряно. Если действовать с умом, вполне удастся откусить этот лакомый кусочек — Цзянлин.

Он не стал спешить с набором войск. Сначала нужно приготовить для этого пса Ми Фана щедрый «подарок».

Внутри города Цзянлин Ми Фан в сопровождении нескольких доверенных лиц с перемазанными сажей лицами вбежал в усадьбу наместника. Городские ворота были наглухо закрыты, подвесной мост поднят, а он тем временем отправлял людей к людям Восточного У передать вещь словесно, желая замять вчерашнюю заварушку.

Кроме той шайки мятежников, что подчинялась лично ему, в городе находилось почти два с половиной тысячи старых сподвижников Гуань Юя, сбежавших с передовой Северного похода.

Услышав, что Цзянлин пал, те люди испугались за судьбы своих семей и тайком вернулись назад. Ми Фан не осмелился впустить их в город, согнав всех под стражу в Восточный лагерь и приставив охрану.

Едва Ми Фан переступил порог усадьбы, как к нему бросился управляющий, бледный как полотно.

— Господин... Молодой господин... его больше нет.

Ми Фан замер на секунду.

Ми Ан мертв? Погиб там, в роще за городом? Вместе с ним погиб и внук Хань Даня — Хань Ян.

Хань Дань. Старый военачальник Восточного У. После того как Люй Мэн взял Цзянлин, он выделил пять тысяч воинов, чтобы Хань Дань нес гарнизонную службу в городе. Желая завязать знакомство, Ми Фан специально отправил сына прислуживать и выслуживаться перед Хань Данем, но чем все закончилось? Угробил внука этого генерала.

На лице Ми Фана не отразилось особого горя. У него было семеро сыновей, трое умерли в младенчестве, осталось четверо. Погиб один Ми Ан — осталась еще троица. Для него сыновья не представляли большой ценности, потерять одного не велика беда.

Но внук Хань Даня погиб, и это дело так просто не замнешь.

Пока он размышлял об этом, на улице поднялся переполох.

Хань Дань во главе отряда солдат заблокировал ворота поместья Ми. Старику было под шестьдесят, он облачен в железные доспехи, с длинным копьём в руке, стоял у входа, и его голос гремел так, что слышала вся улица.

— Ми Цзыфан! Твой сын погубил моего внука, а ну-ка выкатывайся и держи ответ!

Лицо Ми Фана исказилось от горьких забот.

Солдат под его началом в Цзянлине было куда больше, чем у Хань Даня, но какой у него, только что сдавшегося военачальника, мог быть дух идти напролом против Хань Даня?

— Генерал Хань, здесь кроется какая-то странность, прошу вас, сначала выслушайте мои объяснения.

Он смахнул холодный пот со лба, глядя на побагровевшее лицо Хань Даня, и в душе мысленно

проклял покойного отпрыска раз восемьсот. Если бы не эта никчемная тварь, потащившая Хань Яна из города, разве случилась бы такая беда?

Ми Фан потратил уйму слов, но в конце концов сумел немного остудить гнев Хань Даня.

Хань Дань прекрасно понимал, что Ми Фан еще пригодится. Успокаивать боевой дух сдавшихся в Цзинчжоу солдат все равно придется через него. Ему так и хотелось проткнуть Ми Фана копьём насквозь, но сейчас оставалось лишь проглотить эту обиду, перебить утварь в особняке Ми и удалиться, взмахнув рукавом.

За городскими воротами Цзянлина то тут, то там небольшими группами возвращались рассеянные прошлой ночью солдаты.

Старший сын Ми Фана, Ми Шэ, велел подчиненным заново переформировать эти остатки войск. Никто из них не заметил, что среди вернувшихся затесалась группа незнакомцев в отличной экипировке.

Стоило Гуань Хао открыть рот, как он заговорил на чистейшем цзянлинском диалекте и в два счета сошелся с другой группой цзинчжоуских солдат.

Заведя разговор о вчерашнем бедламе, они быстро разговорились. Не прошло и много времени, как те цзинчжоуские воины стали считать Гуань Хао за своего.

Ми Шэ, глядя на этих чумазных солдат, почернел лицом, словно дно котла.

Ми Фан увел с собой больше десяти тысяч человек в Майчэн, а теперь вернулось поодиночке да крохами едва ли наберется и две тысячи. Если подвести итог, клан Ми понес страшные убытки.

Гуань И облачился в забрызганные кровью доспехи цзинчжоуского воина и затесался в толпе отступающих солдат.

Городские ворота были распахнуты настежь, часовые даже не взглянули на него толком.

— Выгорит ли дело, зависит от этого удара.

Едва оказавшись в Цзянлине, Ми Шэ согнал всех вернувшихся солдат в Западный лагерь, намереваясь на следующий день заново распределить их.

Сгустилась ночная тьма.

Гуань И вглядывался в непроглядную темноту за пределами палатки, и взгляд его был холоден, как клинок.

— Цзинь...

— Завербованы мечники и щитоники первого ранга...

— Завербованы лучники первого ранга...

— Завербованы копейщики первого ранга...

В палатке тесно жались друг к другу с десятков людей, переговариваясь вполголоса.

Гуань И стоял в центре, рядом с ним находился командир личной стражи Гуань Хао, а также десятков сотников, отобранных из новонабранной тысячи бойцов.

Посредством системы он тайком завербовал десять отрядов. Пять отрядов мечников и щитоников, четыре отряда лучников и один отряд копейщиков. В каждом отряде ровно по сто человек, в сумме как раз тысяча.

Гуань И отчетливо понимал: рассчитывать захватить Цзянлин лишь силами этой тысячи человек — чистой воды безумие.

То, на что он собирался воздействовать — это те самые цзинчжоуские солдаты в городе, которых принудили сдаться Восточному У.

Стоит лишь уговорить эту массу людей, и у него появится семидесятипроцентная уверенность в захвате Цзянлина и открытии ворот для встречи Гуань Юя. Как только Гуань Юй войдет в город, даже если под их контролем останется один лишь Цзянлин, Цзинчжоу все равно будет носить имя Гуаня.

Гуань Хао и остальные благодаря свободному владению цзянлинским говором уже вывели расклад в городе вдоль и поперек.

В Цзянлине было разбито четыре больших лагеря. На востоке стояло более двадцати четырех тысяч человек под началом второго сына Ми Фана — Ми Фу.

Из этих двадцати четырех тысяч цзинчжоуских солдат добрые двадцать тысяч составляли те самые люди, которые следовали за Гуань Юем на штурм Фаньчэна, попали в ловушку в Цзянлине и в конце концов предали Гуань Юя.

Те люди сдались Ми Фану от безысходности, однако Ми Фан вовсе им не доверял. В тот момент всё их оружие было конфисковано, а сами они заперты в Восточном лагере под строжайшей охраной.

Западным лагерем командовал старший сын Ми Фана, Ми Шэ. Изначально там тоже было около десяти тысяч человек, но перед этим они последовали за Ми Фаном в поход на Майчэн, где ночной налет Гуань И практически стер ту десятитысячную армию в порошок. Теперь в лагере оставалось лишь чуть больше двух тысяч потрепанных воинов.

Во главе Северного лагеря стоял третий сын Ми Фана — Ми Шу. Там у него было три тысячи человек, и все они являлись самыми преданными людьми Ми Фана, по сути — его личной семейной стражей.

В Южном лагере засел великий полководец Восточного У Хань Дань. Под его началом находилось пять тысяч человек, и все они являлись отборными воинами, приведенными с земель У.

Впрочем, Гуань И ни во что не ставил воинов У. Он считал, что даже самые свирепые из уских волаkit в худшем случае смогут сражаться лишь на равных с бойцами его собственного первого ранга.

Гуань И извлек карту, на которой была изображена внутренняя планировка Цзянлина.

Весь Цзянлин представлял собой кривоватый четырехугольник. Четыре лагеря занимали по углу каждый, но располагались на разном расстоянии друг от друга.

Западный лагерь, где сейчас обосновался Гуань И, находился ближе всего к усадьбе наместника Цзянлина. А Восточный лагерь, где томились пленные солдаты — дальше всего от усадьбы.

Он уставился на карту, нахмутив брови. От Запада до Востока предстояло пересечь практически весь город. Если только солдаты в городе не ослепли, они непременно их заметят.

В этот момент Гуань Хао неожиданно указал на одно место на карте и произнес:

— Генерал, быть может, нам пойти вот отсюда и обойти Восточный лагерь?

Гуань И проследил за его пальцем — Восточный рынок Цзянлина.